

№ 1. LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE № 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ

ВЫХОДИТЬ НЕПЕРІОДИЧЕСКИ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЖЕНЕВА

Издательство группы „Освѣта“

rue de la Corniche, 6

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
ОТЪ РЕДАКЦИИ	1
КАКЪ ДОБИВАТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ? Смпли- циссимуса	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ-НАРОДНИКИ. Статья I (Г. И. Успенскій). Г. Плеханова	28
ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ И БУЛАНЖИЗМЪ. Поля Лафарга	100
НЕИЗБѢЖНЫЙ ПОВОРОТЪ. Г. Плехановъ	106
МИНИСТРЪ-ДЕМАГОГЪ. Ю. Е.	118
РУССКАЯ ЖИЗНЬ (Изъ писемъ въ Редакцію)	124
РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ ШЕСТИ- ДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ И ТЕПЕРЬ. П. Аксельрода	132
БИБЛИОГРАФІЯ	189
НЕКРОЛОГЪ	219
ОПЕЧАТКИ	223
СПИСОКЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ	223
—	
ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МУЖИЧЬЕГО ОБ- ЩЕСТВА РАБОЧИХЪ (Гла- вы I—III). В. И. Суличъ	I—XXXII

НЕИЗБЪЖНЫЙ ПОВОРОТЪ

*„Революція или эволюція?“ Женева 1888 г.
„По поводу одного предисловія.“ 1888 г.*

Въ послѣднее время въ нашихъ революціонныхъ кружкахъ надѣлало много шума предисловіе г. Тихомирова ко второму изданію его книги „La Russie politique et sociale“. Приверженцы партіи Народной Воли справедливо увидѣли въ этомъ предисловіи разрывъ г. Тихомирова съ ихъ программой. Противъ новыхъ взглядовъ бывшаго редактора „Вѣстника Народной Воли“ появилось два печатныхъ протеста или, вѣрнѣе сказать, одинъ протестъ и одна литературная распекація. Протестъ озаглавленъ „Революція или Эволюція“; подъ нимъ стоитъ подпись: „Прежніе товарищи Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ“, причемъ г. Лавровъ съ своей стороны, въ особомъ приложеніи, свидѣтельствуеетъ, что авторы протеста дѣйствительно „имѣли полное право“ назвать себя такъ. Распекація носитъ названіе: „По поводу одного предисловія“ и подписана „группой народовольцевъ“. Авторы распекаціи „ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ съ Тихомировымъ не были“ и свѣденія о немъ, какъ и вообще, по видимому,

о русскомъ революціонномъ движеніи, черпаютъ изъ книги Туна „Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland“. Но такъ какъ названная книга представляетъ собой далеко не удовлетворительный источникъ для знакомства съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ, то не удивительно, что это обстоятельство невыгодно отзывается на содержаніи распекаціи. Она не только не выясняетъ дѣла, а напротивъ, повергаетъ читателя въ полнѣйшее недоумѣніе. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ „группа народовольцевъ“! Въ теченіе многолѣтней революціонной дѣятельности г. Тихомирова все шло хорошо, по крайней мѣрѣ, до Декабря 1886 г. „Затѣмъ начинается темный періодъ — 1887 годъ. По видимому, все обстоитъ благополучно, и вдругъ — новое изданіе „la Russie politique et sociale“ и предисловіе къ нему, помѣченное 20 Февраля 1888 г.“ (стр. 7 и 8) Въ этотъ роковой день обнаружилось, что въ теченіе „темнаго періода, 1887 года“ г. Тихомировъ успѣлъ превратиться въ „жалкое нравственное ничтожество“. (По поводу одного предисловія, стр. 16) Что же это за метаморфоза? Какимъ же это образомъ человекъ, „съ момента рожденія партіи Народной Воли, ставшій въ ея ряды въ одной изъ самыхъ ответственныхъ ролей, въ роли вождя“ и „руководившій всѣми террористическими предпріятіями партіи“, вдругъ превратился въ „жалкое ничтожество“? Неужели партія Народной Воли не могла выбрать себѣ менѣе жалкаго и болѣе надежнаго вождя? Мы никогда не принадлежали къ партіи Народной Воли, но мы можемъ увѣрить „группу народовольцевъ“ въ томъ, что во главѣ русской террористической борьбы всегда стояли люди, какъ небо отъ земли далекие отъ „жалкаго нравственнаго ничтожества“. И если бы авторы распекаціи были знакомы съ дѣятельностью г. Тихомирова не по одной только книгѣ Туна, то они знали бы, что и онъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила.

Впрочемъ, „группа народовольцевъ“ выражается такимъ образомъ вѣроятно лишь въ силу своей необыкновенной горячности. Она, или вообще тотъ, кто писалъ ея брошюру, находится въ состояніи того край-

ного раздраженія, при которомъ слова перестаютъ соотвѣтствовать мыслямъ, и которое заставило когда-то Сквозника Дмухановскаго воскликнуть: „не до словъ тутъ, душенька!“ На шестнадцати страницахъ, изъ которыхъ состоитъ распеканція, происходитъ какой-то невѣроятный крикъ и визгъ. Авторы топаютъ ногами, скрежещутъ зубами, грозятъ очами и вообще окончательно сживаютъ со свѣту несчастнаго автора предисловія. Въ одномъ мѣстѣ эта горячность доводитъ ихъ до того, что они начинаютъ тузить самихъ себя; именно, говоря о „минимальной честности“ и „нравственной чистоплотности“, которыхъ можно требовать отъ „каждаго обыкновеннаго смертнаго“, они категорически заявляютъ: „но тщетно мы станемъ искать чего нибудь подобнаго въ нашемъ анализѣ поступка г. Тихомирова“ (стр. 15). По логическому смыслу выходитъ, что „тщетно мы стали бы искать“ „минимальной честности“ въ написанномъ „группой народовольцевъ“, и что г. Тихомировъ виноватъ даже и въ этомъ, повидимому, совершенно независѣвшемъ отъ него обстоятельствѣ. Но съ другой стороны очевидно, что они совсѣмъ не то хотѣли сказать и что они просто нѣсколько..... заговорились, такъ какъ имъ, дѣйствительно, уже „не до словъ“.

Не яснѣе выражаются и „прежніе товарищи г. Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ“. Упрекая его въ томъ, что теперь онъ отрицаетъ революціонную дѣятельность, они противопоставляютъ настоящимъ его взглядамъ ту статью въ №4 „Вѣстника Народной Воли“ (1885 г.), въ которой онъ говоритъ, что „революціонная мысль всегда реальна и именно потому всегда имѣетъ средство къ пересозданію общества“. Но и подобное противопоставленіе — и при томъ противопоставленіе мысли, въ сущности вовсе не „реальной“ — тихомировскому предисловію тоже не объясняетъ дѣла. А кромѣ этого противопоставленія въ „Протестѣ“ есть только нѣсколько полемическихъ выходовъ противъ г. Тихомирова и сожалѣній по поводу старыхъ товарищей, „переходящихъ въ другой лагерь“.

Г. Лавровъ, засвидѣтельствовавшій подлинность бывшихъ товарищей г. Тихомирова, въ свою очередь ссылается на какое-то „письмо безъ даты, но которое пи-

сано едва ли полъ года тому назадъ“, и въ которомъ, по мнѣнію г. Лаврова, г. Тихомировъ еще признавалъ свою солидарность съ программой „Вѣстника Народной Воли“. Очевидно, что и самъ г. Лавровъ находится въ большомъ недоумѣніи и что для него превращеніе г. Тихомирова также совершилось „вдругъ“. Ему остается лишь „ставить“ г. Тихомирову „вопросы“.

Замѣтьте теперь слѣдующее обстоятельство. Первое изданіе книги г. Тихомирова появилось еще два года тому назадъ, когда онъ былъ еще, какъ мы знаемъ, „вождемъ“ партіи „Народной Воли“. Г. Тихомировъ говорилъ въ ней не о геологіи или палеонтологіи Россіи, а объ ея *соціально* и *политическомъ* положеніи. Если программа его партіи вытекала изъ соціальнаго и политическаго положенія Россіи, то это съ ясностью должно было обнаружиться въ книгѣ ея „вождя“. Положимъ, что по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, онъ не хотѣлъ „ставить точекъ надъ і“, не хотѣлъ отгнѣнять революціонныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ его соціальныхъ и политическихъ посылокъ. Но каждому, мало-мальски мыслящему человѣку и самому нетрудно было бы сдѣлать эти выводы. Книга „вождя“ партіи во всякомъ случаѣ должна была положить для нихъ твердое основаніе. Такъ и посмотрѣли на эту книгу, при первомъ ея изданіи, сторонники партіи „Народной Воли“. Они видѣли въ ней болѣе спокойное и подробное обоснованіе тѣхъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Если читатель дастъ себѣ трудъ сравнить содержаніе книги г. Тихомирова, напримѣръ, съ содержаніемъ его статьи „*Чего намъ ждать отъ революціи?*“ (Вѣстникъ Народной Воли №2), то онъ самъ увидитъ и въ той и въ другой совершенно одинаковые взгляды на соціальное и политическое положеніе Россіи.

Но вотъ выходитъ второе изданіе названной книги, и въ предисловіи къ ней онъ высказывается такимъ образомъ, что „группа народовольцевъ“ считаетъ нужнымъ переименовать его изъ „вождей“ въ „жалкое нравственное ничтожество“. Его прежніе товарищи по дѣятельности и убѣжденіямъ горько упрекаютъ его въ измѣнѣ, а г. Лавровъ въ недоумѣніи перечитываетъ

„письмо безъ даты, писанное едва-ли польгода тому назадъ“. Признавая полную умѣстность такихъ сожалѣній и недоумѣній (не той брани, однако, которой осыпаетъ г. Тихомирова „группа народолюбцевъ“. Хотя эту брань и нельзя назвать *непечатной*, въ извѣстномъ смыслѣ этого слова, но хорошо было бы если бы она осталась *непечатанной*), признавая умѣстность сожалѣній, мы все таки замѣтимъ отъ себя, что прежніе товарищи г. Тихомирова должны были поступить иначе. Такъ какъ второе изданіе его книги вышло *безъ перемѣнъ*, то имъ слѣдовало показать, что ея новое предисловіе не соотвѣтствуетъ ея содержанию, потому что въ предисловіи высказываются реакціонные взгляды, между тѣмъ какъ сама книга представляетъ собою теоретическое обоснованіе программы партіи „Народной Воли“. Тогда г. Тихомировъ былъ бы побитъ своимъ собственнымъ оружіемъ. Его товарищи могли бы съ тѣмъ большей увѣренностью держаться старой программы „Народной Воли“, что они показали бы, до какой степени даже измѣнившій ей г. Тихомировъ подкрѣпляетъ ее своей книгой. Почему же не сдѣлали такъ ни его „прежніе товарищи по дѣятельности и убѣжденіямъ, ни его прежній соредакторъ П. Л. Лавровъ? Почему они ограничились выраженіями негодованія и сожалѣнія, или ссылками на „письмо, писанное едва-ли польгода тому назадъ“?

Вождемъ западно-европейскихъ рабочихъ партій, Гэду, Лафаргу, Бебелю, Либкнехту и т. д., нерѣдко приходится характеризовать въ своихъ сочиненіяхъ социальное и политическое положеніе своихъ странъ. Представьте себѣ, что выходитъ новое изданіе сочиненій одного изъ нихъ, которое авторъ снабжаетъ реакціоннымъ предисловіемъ. Трудно-ли было бы другимъ „вождямъ“ показать, что измѣнившій своей прежней программѣ писатель противорѣчитъ самъ себѣ? Конечно нѣтъ, „вожди“ западно-европейскихъ рабочихъ партій такъ смотрятъ на социальное и политическое положеніе своихъ странъ, что изъ ихъ взглядовъ можно умозаключить только къ ихъ программѣ.

Можно-ли то же сказать о тѣхъ взглядахъ г. Тихомирова на социальное и политическое положеніе Россіи,

которые онъ высказалъ въ книгѣ „la Russie politique et sociale“ или — что одно и то же — въ статьѣ „Чего намъ ждать отъ революціи“? That is the question!

Въ чемъ сущность этихъ взглядовъ? Г. Тихомировъ смотритъ на Россію такъ же, какъ смотрятъ на нее наши народники. И по его и по ихъ мнѣнію социальное и политическое положеніе Россіи совсѣмъ не похоже на социальное и политическое положеніе Запада. Западъ характеризуется преобладаніемъ капитализма, Россія — преобладаніемъ крестьянско-общиннаго хозяйства. Западъ идетъ къ социализму *черезъ капитализмъ*, Россія — *черезъ общину*. На Западѣ есть классы и борьба классовъ, у насъ нѣтъ ничего подобнаго. На Западѣ есть пролетаріатъ, у насъ всего какихъ нибудь „800,000 рабочихъ“, да и тѣ остаются крестьянами по всѣмъ своимъ стремленіямъ. Такъ говорили народники, такъ говорилъ и г. Тихомировъ. Знаменитое отнынѣ предисловіе даетъ всѣ основанія думать, что г. Тихомировъ совершенно покинулъ теперь всякую мысль о революціонномъ способѣ дѣйствія, но прежде онъ отъ вышеизложенныхъ посылокъ умозаключалъ къ революціи. По вопросу о томъ, *какъ* сдѣлать революцію, и начинались разногласія между нимъ и народниками. Народники главныя свои силы направляли на то, чтобы вызвать революціонное движеніе въ крестьянствѣ, г. Тихомировъ думалъ, что при современныхъ условіяхъ не возможно созданіе широкой революціонной организаціи въ народѣ. Поэтому передъ нимъ оставался только одинъ путь, на который уже раньше указывалъ нашимъ революціонерамъ покойный П. Н. Ткачевъ, т. е. путь заговора съ цѣлью захвата власти. Такъ какъ г. Тихомировъ думалъ, что центральная власть въ Россіи безъ большого труда могла бы повести общину по пути социалистическаго развитія, то естественно, что заговоръ съ цѣлью захвата власти сдѣлался центромъ его программы, вокругъ котораго группировались всѣ другія части ея, какъ подчиненныя и второстепенныя. Такое подчиненное положеніе занялъ, между прочимъ, и терроръ; онъ считался однимъ изъ средствъ для достиженія главной цѣли.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько

справедлива мысль о возможности перехода русского общинного землевладения в социалистическую форму производства, очевидно, что держаться такой программы мог только тот, кто вверил в возможность захвата власти нашими революционерами. Разъ пошатнулась бы эта вера, — вся практическая программа должна была бы упасть сама собой. И ее бывший сторонник тотчас же очутился бы в сомнительном отношении к тому, каким путем добьется он осуществления своих экономических целей? Всякая отсрочка захвата власти имела бы в этом случае значение нового препятствия, как это прекрасно понимал П. Н. Ткачев: Нам нельзя медлить, говорил он, потому что при современном положении дело общины разлагается и, нарождающийся капитализм ставит новые препятствия нашему делу. Указывая на это обстоятельство, покойный редактор „Набата“ незамысленно для себя оттягивал самую слабую сторону своей программы. Между тем как экономическое развитие все больше и больше приближает западную рабочую партию к их цели, экономическое развитие России все больше и больше затрудняет дело сторонников ткачевской программы. Правда, г. Тихомировъ питает, повидимому, глубокую веру в несокрушимость русской общины, поэтому его не должны были пугать те соображения, которые пугали П. Н. Ткачева. Но у него могли явиться другие опасения. В нашу партию, мог он сказать себе, идут лучшие люди России. Когда власть будет в их руках они много сделают для экономического благосостояния народа. Но когда они захватят ее? Прошло уже много лет, с тех пор, как я выработал свою программу, а между тем дело захвата власти не двинулось ни на шаг, и я не могу даже предвидеть, когда обстоятельства изменятся в этом отношении к лучшему. Но ведь пока мы не у власти, мы не можем иметь никакого влияния на экономическое развитие нашей страны. Таким образом, силы лучших людей России пропадают для народного благосостояния. Но интересы народной массы для меня дороже всего на свете, ради этих интересов я стал социалистом революционером, а затем, логически

развивая свою мысль сделался народовольцем*). Не народ существует для революции, а революция должна быть сделана для народа. И если революция, в том смысле, как я ее понимаю, отодвигается в неопределенное будущее, то нужно посмотреть, нет ли каких нибудь других путей для обеспечения интересов народной массы, которые, как я уже себе сказал, для меня дороже всего на свете. Конечно, для меня невозможно было бы возвращаться на точку зрения старого народничества, мечтать о крестьянской революции: это было бы даже наивно, чем верить в скорый захват власти. Еще менее могу я стать на точку зрения русских социал-демократов. Этих сумасбродов и фантазеров я давно уже осмелял в одной из своих статей. Правда, они дали мне довольно таки порядочную сдачу, и некоторые читатели припоминали потом французскую поговорку: *riga bien qui riga le dernier*, но ведь это ничего не изменяет. Об этих неисправимых западниках достаточно сказать, что они не признают великого значения нашей общины, а для меня без общины немислимо благосостояние народной массы. Вообще, я слишком стар теперь, чтобы перейти в марксизм. Наконец, не могу я примкнуть и к либералам, которые хотят представительного правления и кое-каких политических „свобод“: стоит ли беспокоиться *pour ce peu de chose**)* Ведь это не подвинет общины к социализму. Куда же пойду я, однако? Припомним новейшую историю России. В царствование Николая был один *вечайший государственный мужъ*, который без болтовни и без громких фраз о свободах и о социализме сумел обеспечить благосостояние государственных крестьян и сообщить их экономическому быту формы, очень напоминающие те, которые я сам постарался бы придать им, если бы действительно захватил власть. Великое дело община! Уже что могло быть хуже и нелюбимее николаевских порядков, а между тем и при них, благодаря общине, можно было при-

*) См. статью г. Тихомирова, цитированную в *распеканции*.

***) См. предисловіе г. Тихомирова.

носить огромную пользу народу, имѣя въ своихъ рукахъ нѣкоторую власть. Можетъ быть и теперь удастся что нибудь подобное. Конечно, чтобы совѣтовать нашимъ народолюбцамъ превращаться въ маленькихъ Киселевыхъ, нужно отказаться отъ революціи вообще и отъ „Народной Воли“ въ частности. Но подобный отказъ будетъ теперь такимъ же логическимъ развитіемъ моей мысли, какимъ была нѣкогда „программа партіи Народной Воли“. Интересы народной массы и дальнѣйшее развитіе общины прежде всего.

Представьте себѣ, что такіа размышленія занимали г. Тихомирова „въ теченіе темнаго періода, — 1887 года“, и тогда вы поймете, что „20 Февраля 1888 г.“ наступило не „вдругъ“, какъ это думаетъ „группа народолюбцевъ“, т. е. иначе сказать, что г. Тихомировъ лишь постепенно и „логически развивая свою мысль“ пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказаны въ предсловіи. Вы поймете также, что „письмо безъ даты, которое писано едва ли полъ года тому назадъ“, „едва-ли“ доказываетъ что нибудь относительно внезапности происшедшаго въ мысляхъ г. Тихомирова переворота. Былъ ли бы г. Тихомировъ неправъ если даже, ставши на свою новую точку зрѣнія, онъ думалъ бы, что совсѣмъ не измѣнилъ своихъ взглядовъ *по существу* и сослался бы на нихъ въ „письмѣ безъ даты“, какъ на „известные всѣмъ тѣмъ, кто ими интересуется“? По нашему мнѣнію, „едва-ли“. Во взглядахъ г. Тихомирова на *соціальное и политическое положеніе Россіи*, дѣйствительно, не произошло никакого *существеннаго* измѣненія. Поэтому, его новое предсловіе и не противорѣчитъ содержанію его книги. Г. Тихомировъ измѣнилъ только вытекающіе изъ этихъ взглядовъ практическіе выводы, вѣрность которыхъ онъ и прежде признавалъ лишь условно, лишь поскольку вѣрилъ въ возможность захвата власти революціонерами. Теперь ему кажется болѣе вѣроятнымъ, что власть очутится въ рукахъ какого нибудь новѣйшаго Киселева, и потому онъ старается выработать новую программу. Такимъ образомъ, вопросъ объ его отношеніи къ революціонному образу дѣйствій вообще и къ терроризму въ частности рѣшается самъ собою: революція излишня, потому что и помимо

ея новѣйшій Киселевъ можетъ исполнить свою экономическую миссію. А такъ какъ никакому Киселеву не придется въ голову добиваться своего назначенія на какую бы то ни было должность посредствомъ „*terrora*“, то ясно, что излишенъ и терроръ. Нельзя не сознаться, что г. Тихомировъ обосновываетъ свое отрицательное отношеніе къ террору нѣсколько иначе и дѣлаетъ противъ него такіа возраженія, которыя сами по себѣ не выдерживаютъ никакой критики. Но это уже совершенно второстепенная или даже третьестепенная частность. Важно лишь то, что г. Тихомировъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ теперь признавать цѣлесообразность террористической борьбы.

На основаніи всего вышеизложеннаго, намъ кажется, что бывшій вождь партіи Народной Воли безъ труда можетъ отвѣтить г. Лаврову на поставленные тѣмъ вопросы приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Вы спрашиваете меня, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, считаю-ли я „дозволительнымъ революціонный путь для всѣхъ революціонеровъ, которые не вѣрятъ въ мирную замѣну нынѣшняго капиталистическаго порядка соціалистическимъ?“ Но я не знаю, о чемъ вы говорите: если о *Западѣ*, то вѣдь я ни слова не сказалъ о западныхъ соціалистахъ въ своемъ предсловіи; если же о *Россіи*, то вѣдь во всѣхъ своихъ статьяхъ я всегда доказывалъ, что у насъ нѣтъ „капиталистическаго порядка“; вѣдь по этому поводу я нападалъ на группу „Освобожденіе Труда“, которая утверждала, что онъ существуетъ у насъ; и не вы ли сами поддерживали меня, хотя, правда, поддерживали очень робко и нерѣшительно. Неужели вы не поняли, въ чемъ состояла сущность нашего спора съ ними? А если поняли, то зачѣмъ же вы задаете другой вопросъ: какъ отношусь я, теперь, весной 1888 г., „къ своимъ собственнымъ статьямъ въ журналъ, который мы вмѣстѣ редактировали?“ Къ ихъ основнымъ положеніямъ я отношусь и теперь совершенно такъ же, какъ я относился прежде. Но теперь я дѣлаю изъ нихъ другіе выводы. И я берусь доказать вамъ, что эти новые выводы вытекаютъ изъ нихъ вполне логично.

Если г. Тихомировъ поведетъ свою защиту такимъ

образомъ, то мы думаемъ, что его позиція будетъ совершенно неприступна, и что его не собьютъ съ нея ни литературные набѣдники изъ „группы народовольцевъ“, ни „письма безъ даты“, ни выраженія сожалѣнія и негодованія. Новые взгляды г. Тихомирова можно разбить лишь съ помощью такихъ снарядовъ критики, какихъ не имѣется въ арсеналѣ партіи „Народной Воли“.

„Die Moral von der Geschichte“ такова, что основныя послышки программы названной партіи крайне двусмысленны и при томъ *скорѣе ведутъ къ реакціоннымъ, чѣмъ къ революціоннымъ выводамъ*; а потому она должна быть подвергнута коренному пересмотру; а потому и „прежніе товарищи“ г. Тихомирова слишкомъ поторопились воскликнуть: „да здравствуетъ старая Народная Воля и новые бойцы!“ Если они будутъ продолжать вливать „вино новое въ мѣхи старые“, то мы сильно опасаемся, что примѣру г. Тихомирова послѣдуютъ многіе и многіе изъ ихъ сторонниковъ. А что они и теперь вливаютъ свое вино въ тотъ же самый мѣхъ, въ который льетъ его и г. Тихомировъ, видно изъ отношенія ихъ къ киселевскому, съ позволенія сказать, социализму. „Мы не входимъ здѣсь въ суть киселевской реформы говорить они, хотя должны замѣтить, что видимъ въ ней лишь одну сторону, идею планомѣрнаго вмѣшательства государства въ экономическій строй“. Стало быть эта-то „сторона“ не противорѣчитъ вашимъ взглядамъ г. г. „прежніе товарищи Тихомирова“? И вы называете себя „соціалистами-революціонерами“! Но что же общаго имѣетъ названная „сторона“ съ революціоннымъ социализмомъ? Если бы всякое планомѣрное вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь могло быть одобряемо социалистами, то тогда учрежденіе ротныхъ портныхъ должно бы быть признано социалистическимъ учрежденіемъ, какъ говоритъ Ф. Энгельсъ въ своей брошюрѣ „Развитіе научнаго социализма“*).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы, разбирая програм-

*) Кстати, знаютъ-ли г. г. прежніе товарищи Тихомирова, что осуществленіе киселевской „идеи“ вызвало много волненій между крестьянами, волненій, которыя были усмирены съ помощью солдатъ и розогъ?

му партіи „Народной Воли“, намекнули на то, что ея экономическая часть, при своемъ осуществленіи повела бы къ созданію государства Инковъ на востокѣ Европы въ концѣ XIX вѣка. Тогда мы говорили это предположительно, доводя мысль нашихъ противниковъ до абсурда. Теперь оказывается, что г. г. старые народовольцы не видятъ ничего нелѣпаго въ подобномъ предположеніи. Въ дѣйствительности киселевская реформа есть не болѣе, какъ неудачная попытка водворить въ Россіи XIX вѣка блѣдную, полную противорѣчій, копію съ экономическихъ отношеній государства Инковъ. А между тѣмъ, „прежніе товарищи“ г. Тихомирова видятъ въ ней „идею планомѣрнаго вмѣшательства государства въ экономическій строй“, идею, повидимому совершенно не противорѣчающую ихъ собственнымъ „идеямъ“. Или, можетъ быть, это шутка! Но тогда почему же г. Лавровъ не замѣтилъ имъ, что это очень плохая шутка, способная сбить съ толку многихъ читателей?

Въ книгѣ „*Наши Разномасія*“ мы съ большой горячностью напали на социальное-политическіе взгляды г. Тихомирова. Мы не могли спокойно относиться къ нимъ, потому что *прекрасно понимаемъ, какіе реакціонные выводы вытекаютъ изъ нихъ*. Въ то время, когда мы писали эту книгу, до насъ изъ Россіи доходили совершенно не двусмысленные слухи о томъ, что часть русской молодежи, продолжая раздѣлять экономическіе взгляды г. Тихомирова, начинаетъ увлекаться царскимъ или, если хотите, киселевскимъ социализмомъ. Мы считали своимъ долгомъ указать нашимъ революціонерамъ на тѣ реакціонные элементы, которые кроются въ народническихъ и „народовольскихъ“ взглядахъ, и которые рано или поздно должны нанести огромный ущербъ нашему революціонному движенію. Но г. г. народовольцы не увидѣли въ нашихъ словахъ ничего, кромѣ пустого полемическаго задора. Теперь примѣръ ихъ собственного „вождя“ показываетъ, до какой степени мы были правы и до какой степени были неправы они, предавая насъ анафемѣ.

Г. Плехановъ.